

ЧЕТЫРЕ ПЛЮС ПЯТЬДЕСЯТ

Экран и сцена. - 1994. - 24 ноября - 1 дек. - с. 12

ВИНА ГВАРДИИ
КАПИТАНА ИВАНОВА

Андрей Платонов встретил гвардии капитана Алексея Алексеевича Иванова в день, когда тот прощался с однополчанами — сослуживцами на протяжении всей войны. Провожали капитана с любовью и уважением, с музыкой и вином. Как уже повелось, отвезли на железнодорожную станцию. Поезд, однако, основательно опаздывал. Вокзал был разрушен. Иванов на попутке вернулся в часть. На завтра проводы повторились, опять пели песни. Иванов убедился, что вчерашний поезд все еще не прибыл. Но счел неудобным в третий раз беспокоить товарищей и остался на асфальтовом перроне.

Долгие проводы, затяжной отъезд уже вошли в обыкновение, и гвардии капитан все воспринимал как должное. В час, когда круто менялась жизнь, оставляя позади полк и войну, суля встречу с семьей, он отрешенно смотрел по сторонам. Краем глаза еще вчера заметил молодую женщину в ватнике и теплом платке. Она сидела при своих вещах, ожидая того же поезда. «Это постоянство и терпение означали верность и неизменность женского сердца», — по крайней мере в отношении вещей и своего дома, куда эта женщина, вероятно, возвращалась.

Чье наблюдение — писателя или Иванова? Платонов смотрит сейчас почти на все глазами Иванова. Уважает его жизнь — довоенную и фронтовую, не строя иллюзий, но дорожа человеческим опытом. Соблазны легкого осуждения неуместны, привычные критерии сдвинуты войной, кочевым бытом, разлукой.

Ожидавшая поезд Маша работала по-прежнему найму в столовой БАО, куда Иванов изредка навещался. Они ничего не знали друг о друге, эти двое на пустом разрушенном вокзале, затерянные в мире, взбаломученном войной, обрекавшей каждого одновременно на общую жизнь и на одиночество. В этом состоянии совершаются непредугадываемые поступки с гадательным исходом. Война отучила от долгосрочных прогнозов и планов, предпochла им сиюсекундную реальность, короткий выход из одиночества. «Единственное, что могло утешить и развлечь сердце человека, было сердце другого человека», — замечает Платонов о сближении Иванова и Маши на пустом вокзале. Не чувственный порыв, не роман. От четырех дней, проведенных вместе — два в поезде,

два в Машинном городе, где ее опять-таки ждало одиночество [отец и мать погибли], — Иванову запомнился запах Машиных волос; они пахли, как осенняя павшая листва. Его ждут дети, жена, а он, стремясь к ним, задерживается с Машей, догадываясь: это — не просто эпизод. Кто знает, чем все обернется! Время неопределенности, и люди остерегаются загадывать на завтра. Они возвращаются в мир, отличный от того, какой когда-то оставили. Отличается, и если семью обошло несчастье. Обыкновенные, как нередко у А. Платонова, люди. Но их обыкновенность не исключает знаменательных неожиданностей.

Одиннадцатилетний Петруша, сын Иванова, малорослый и худощавый мальчик, чувствует себя главой дома. Он не по возрасту деловит, по-стариковски практичен, покрикивает на мать. Маленькая Настя не помнит отца. Но всего сложнее с женой. Иванов, только что прошедший, — если и не счастливо, то беззаботно, — несколько суток с Машей, не в состоянии понять жены, ее жизнь за минувшие четыре года. Какой-то Семен Евсеевич навещался в дом, принося детям гостинцы. Таким образом, по словам Любови Васильевны, он пытался утолить тоску по жене и детям, убитым гитлеровцами.

Странно это Иванову, подозрительно. «Странен и еще не совсем понятен был Иванову родной дом. Жена была прежняя — с милым, застенчивым, хотя уже сильно утомленным лицом, и дети были те самые, что родились от него [...] Но что-то мешало Иванову чувствовать радость своего возвращения всем сердцем...»

Ему не дает покоя чудной Семен Евсеевич со своими визитами и подарками, с любовью к чужим детям. А тут еще какой-то инструктор из райкома профсоюза. Перед ним однажды не устояла Любовь Васильевна. Этот мимолетный грех, не принеший ей радости, Иванов не желает простить. Для него

непостижима жизнь, утвердившаяся здесь в войну. Он лучше вернется к Маше.

Уже из окна вагона Иванов видит своих детей, пытающихся догнать поезд. Выкидывает вещевой мешок и спрыгивает на дорогу, по которой бежали ему вслед его дети.

Так завершается рассказ, вначале называвшийся «Семья Иванова», потом — «Возвращение». Унижением и обидой для Любови Васильевны оборачивается встреча с долгожданным мужем. Наладятся ли у них отношения? Не повторит ли капитан запаса попытку вернуться к Маше? Оставшись дома, найдет ли общий язык с сыном? Какая судьба уготована Маше! Что скрасит дни добряка Семена Евсеевича!

Никто в тогдашней литературе с такой болью и состраданием не написал о людях, дождавшихся Победы, но лишенных определенности, уверенности в завтрашнем дне. О тяжелом и страшном Платонов повествовал, словно об обыденном. Не искал виноватых, но искал, что мешает людям дышать полной грудью, испытывать выстраданное счастье. Сохранял веру в идеал, даже видя его недостаточность. Система не прощала писателю независимого, подчас терпеливо-снисходительного к ней отношения. Платонов прочно занимал место в числе авторов, коих, пользуясь выражением Салтыкова-Щедрина, относили к «постылым». Как Булгакова, Мандельштама, Ахматову, Зощенко, Пастернака, Бабеля, Пильняка. Они искренне пытались соответствовать эпохе. Попытки эти достаточно известны. Платонов видел в себе советского писателя и был предельно честен в своем творчестве. Чем и накликнул беду. Особенно после повести «Впрок», вызвавшей гнев и хамский отзыв Сталина.

В 30-е годы был период, когда А. Платонова перестали печатать. Пристигнув он обрел в журнале «Литературный критик», где публиковали его рассказы, а

под псевдонимом — критические статьи. Этот журнал, ратовавший за чистоту марксистской эстетики, иной раз с высот собственной теоретической непогрешимости позволял себе более других. Эрудиты, изучавшие диалектику по Гегелю, марксизм по Марксу, вообразили себя законодателями в искусстве, а то и политике, не замечая, что марксизм уже «творчески» превращен в агитационно-демагогическую мешанину. Вероятно, Платонову были чем-то близки идеологические иллюзии журнала, naïвные попытки сохранить подобие самостоятельности. «Литкритик», например, утверждал, что именно Зощенко продолжает традиции гоголевского реализма. Комсомольские поэты сочиняют плохие, зачастую конъюнктурные стихи. Рассуждая о будущей войне, журнал заметил, что победу следует завоевывать не только своей малой кровью, но и малой кровью врага. Раздался окрик «Правды». «Литературный критик» приказал долго жить.

Этот журнал был популярен среди студентов ИФЛИ, а спустя годы, два из его ведущих сотрудника станут во многом единомышленниками, сподвижниками А. Твардовского — редактора «Нового мира».

Но это произойдет, когда А. Платонова живнут со света. Еще будучи фронтным корреспондентом «Красной Звезды», он подвергся официальной критике. Однако тогдашние нападки — цветочки по сравнению с разномом, учиненным ему за «Семью Иванова», за гвардии капитана, который вел себя не так, как ему — по мысли критика — надлежало. Рассказ объявлялся клеветническим. Критиком на сей раз выступал один из самых циничных и безжалостных представителей цеха, используемый для наиболее мерзких дел.

Андрей Платонов тяжело переносил гнусные атаки. Он был болен, бедствовал. Его сына арестовали, приписав шпионаж в пользу Германии.

Было несколько надежных друзей, высоко ценивших платоновский дар, не оставивших в беде. Были попытки помочь публиковаться. Но в оставшиеся годы удалось напечатать лишь обработанные им народные сказки.

«Возвращением» фактически завершается творчество Андрея Платонова, затравленного, сведенного в могилу на шестом десятке лет. В. КАРДИН.